

Культура. — 1996. — 28 дек. — с. 12

Ирония судьбы

НОСТАЛЬГИЯ

Ирина ВАСИЛИНИНА

Итак, под Новый год мы снова увидим "Иронию судьбы, или С легким паром" Эмиля Брагинского и Эльгара Рязанова. Сколько лет, забыв о предпраздничных хлопотах, бежим мы на свидание с этим фильмом? Двадцать — это несомненно. Но вроде бы даже несколько больше.

Кажется, есть нечто парадоксальное в том, что многие вроде бы непритязательные произведения Брагинского — Рязанова со временем стали теми шедеврами подлинного искусства, которое столь необходимо людям. В чем их сила, которая даже при смене социальных эпох помогла им выстоять, остаться в настоящем времени, а не в историческом архиве?

Что за тайна сокрыта в них? Есть ли она вообще? Есть, конечно. Та тайна истинного искусства, которая всегда сопротивляется и критическому анализу, и аналитическому расчленению на составные части. О многом здесь можно только догадываться, судить предположительно, с осторожной субъективностью. В искусстве всегда больше вопросов, чем ответов. Ведь оно нередко вносит разлад между умом и сердцем — тем и сильно.

Долго, очень долго и драматургическое, и кинематографическое творчество Брагинского — Рязанова

ва казалось многим чем-то необъяснимым, легковесным. Родимое искусство многие годы уважалось за свои борцовские качества. Что нам сказочки, волшебные сны в новогоднюю ночь, карнавал улыбок, песен добра и счастливой любви! Разве все это имеет хоть малейшее отношение к нашей суровой реальности? Вроде бы даже и верно, если не спрашивать себя — почему все-таки так тепло становится на сердце от рождественской сказки с ее счастливым финалом. И почему все человечество радуется тому же новогоднему празднику, краше которого, кажется, нет ничего на свете. По заунывно элементарной логике — чему радоваться-то? Год ушел, из собственной жизни ушел, а не из чужой-то еще. И никогда не повторится. А мы — "С Новым годом! С новым счастьем!". И звенят бокалы, и потрескивают свечи, и теплеют глаза, оттаивает душа... Чувшь? Не дай бог в это поверить...

Может быть — говорить утвердительно опять же трудно, нет никаких подтверждений тому, но союз Брагинского с Рязановым распался в тот момент, когда один из соавторов усомнился в значительности собственной художественной идеи. Пожалуй, можно так же предположить, что эти слова имеют отношение прежде всего к Рязанову.

Брагинский продолжал и продолжает писать свои "незамысловатые" истории. И какие же дивные фильмы созданы на основе его сценариев — "Суета сует", "Московские каникулы", "Почти смешная история", "Поездка на

старом автомобиле", "Игра воображения"... И это всего лишь малая часть сделанного им вне содружества с Рязановым.

Не случайно семидесятипятiletний юбилей этого писателя был отмечен широко, почетно, весело. И почтенный возраст не мешал ему совсем недавно закончить странно-загадочную, завораживающую пьесу "Игра втроем". Все тот же Брагинский — шутилая легкость интонаций, благожелательное, уважительное отношение к герою, уверенность — все хорошо, что хорошо кончается.

Рязанов, как говорится, пошел по иному пути. Очевидно, слава его многих комедий, начало которой положила "Карнавальная ночь", все-таки не до конца устраивала. И он с несколько запоздалой основательностью стал внедрять в свои произведения глубинный социально-политический подтекст. Само имя, мастерство, талант этого художника заставляют стремиться увидеть все, что он делает, как в кино, так и в телевидении, где он занял прочное и уважаемое место. И все-таки, отдавая должное серьезности намерений мастера, невольно вздыхаешь об утраченной или сознательно отринутной и, пусть для иных легкомысленной, но такой завораживающей, а главное, многим необходимой вере в жизнь.

Дар художника вопреки всему поддерживать человека — дар редчайший, уникальный. Ради чего стоит отказываться от него?

Несколько лет тому назад в статье о Брагинском и Рязанове я назвала их утешителями. Замечу мимоходом — это определение

мне пришлось отстаивать, что называется, с пеной у рта. Меня убеждали, что им я оскорблю авторов, напоминали о Горьком, который призывал не унижать человека жалостью. Что и говорить — время диктовало свои условия — подозрительным казался сам разговор об этих авторах с их откровенными "пустяками". Как же так? Ни "за", ни "против"... Никакой "глобалки"... Ни эзопова языка, ни прозрачных ассоциаций. Фейерверк фантастики, вроде бы ничего общего не имеющей с реальностью, о которой тот же Гельман умеет говорить более чем проблемно и основательно... "Утешители"? Хорошо, приклеивайте им этот дурацкий ярлык, хотя вряд ли им это доставит удовольствие...

Не ведаю до сих пор, как отнеслись Брагинский или Рязанов к этому "ярлыку". Но, лично я, наэлектризованная произведениями того же Гельмана, в то же время приходила в полное согласие не только с самой собой, но и с действительностью, когда вновь и вновь встречалась с такими работами этих мастеров — будь то сцена или экран. "Ирония судьбы", "Служебный роман", "Старикам сюда не входило", "Берегись автомобиля" или "Зигзаг удачи" — они мне давали возможность смеяться и плакать, восхищаться мастерством актеров и режиссера, изумляться ненатужной легкостью текста, верить — не все так плохо, как подчас кажется.

С течением лет стало очевидно, что в своих лучших произведениях Брагинский и Рязанов сумели уловить, высказать, донести

до наших душ и сердец самое существенное — неизменную веру и надежду человека не только в завтрашний день, который многое может образовать и сгладить, но и настоящую потребность убедиться, что и в настоящем у каждого есть, чем дорожить, чему радоваться, чем гордиться. Что мир населен не подонками, но прежде всего нормальными симпатичными людьми. Словом, эти художники сумели сказать правду о том быте, в котором неизбежно живет каждый из нас.

Они опозитизировали этот быт? Вполне возможно. Но ровно настолько, насколько ежедневно, ежегодно делаем мы это сами. Уважение к себе и дням личной собственной судьбы — естественная потребность человека. Нам подсказали — каждая года благодать. Мы радостно согласились — без этой благодати просто нельзя выжить.

Мы, словно бессмертные боги, радостно встречаем каждый Новый год. Мы знаем, конечно, о безднах, но самой природой нам дано великодушное право забывать о них. И раскладывается череда наших дней на калейдоскоп разнообразнейших мгновений, имя которым — жизнь, где всему свой черед и свое место.

Спасибо тем, кто подтверждает обыкновенное чудо нашего каждодневного существования.

Спасибо художникам, которые ежегодно поздравляют нас — "С легким паром!".

Значит — мы чисты, молоды, живы.

Значит — ничто не потеряно. Значит — все впереди.